

A detailed watercolor illustration of a horse's head, focusing on the eye and the leather bridle. The horse has a dark brown coat, and the bridle is made of light brown leather with silver-colored metal buckles and rings. The background is a mix of dark and light brown washes, suggesting a natural setting.

О. Пустошинская

Лёшенька

часть 1

16+

Ольга Пустошинская

Лёшенька. Часть первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50175718

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-96676-5

Аннотация

Тысяча девятьсот шестнадцатый год. У трёхлетнего Лёшеньки тяжело заболевает мать. Чувствуя близкий конец, она берёт слово со своей сестры не бросать Лёшу. Так мальчик оказывается в соседней деревне у своей тёти, а у задиристого Яшки и его сестры Полины появляется маленький брат. С первых же дней выясняется, что Лёша – необычный ребёнок, способный угадывать будущие события, находить потерянные вещи, видеть то, что скрыто от других глаз.

Содержание

Часть первая	4
Сирота	4
Свадьба	18
Зайка	37
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ольга Пустошинская

Лёшенька. Часть первая

Часть первая

Сирота

Полинка давно спала, завернувшись с куклой в лоскутное одеяло, а у Яшки сна ни в одном глазу. Затаился на печи, из всей мочи вслушиваясь в разговор.

– Не дело ты выдумала, Вера, – голос у отца был глухой и сердитый, – жить как будем? Муки в ларе только до весны хватит.

– Что будет, то и подам на стол. Где двое, там и третьему ложка супу найдётся, – упрямо ответила мамка, и Яшка будто воочию увидел её нахмуренный лоб и сжатые губы. Если она что-то решила – нипочём не переубедишь.

Второй год шла война, досыта не ели уже давно. Мать добавляла в кашню мятую картошку – сэкономила муку, супы постные варила. Хорошо, что была корова-кормилица, без неё хоть околей.

– Да было бы что подать! – откашлялся отец. – В городе приют есть, должны взять сиротку: отец на войне сгинул,

мать померла.

– Я не могу... Я сестрице Софье обещалась не бросать Лёшеньку, родная же кровь... Господи, Егор, да ты бы видел его, мальчонка чудесный, как ангелок!

– Своих ангелков двое, – проворчал отец. Помолчал, свернул и закурил самокрутку. – Ладно, возьмём, а там видно будет... У соседки, говоришь, он?

– У соседки! – обрадовалась мать. – Я лошадь у Ульяна попрошу, вещи надобно перевезти.

На другой день они уехали в Андреевку, оставив старшего Яшку присматривать за сестрёнкой.

Полинка сидела возле замёрзшего окошка, рисовала пальчиком узоры на стекле и напевала какую-то песенку без слов.

– А какой он, этот братик? – обернулась она.

– Весной тётя Софья с ним приходила, помнишь?

– А, помню. Он маленький, драться не будет, – успокоилась Полинка, – я ему свою куклу дам поиграть.

– Вот дурища! Нужна ему твоя кукла! Я ему ножик подарю и кинжал деревянный, который мы с Ванькой вырезали. Ты посиди тут, эге? А я на минуточку к Ванятке сбегая. Никуда не уходи, а то меня мамка прибьёт.

– Эге, посижу... А сахарку дашь?

– Останний кусочек! – возмутился Яшка, напяливая тулупчик. – Ладно, обжора, дам сахарку.

...Стало смеркаться. Полинка грызла сахар, устроившись на подоконнике.

– Не едут. Мамка сказала, чтобы не ждали, ужинали и спать ложились, – вздохнул Яшка.

Вынул из суднавки ржаной хлеб, разлил по тарелкам щи, достал из ящика обкусанные деревянные ложки. Тут послышался скрип полозьев, стук калитки и приглушённые голоса.

– Приехали, приехали! – запищала Полинка.

Впустив с собой холод, в избу зашёл отец, а следом мать. На руках она держала завёрнутого в тулуп мальчика.

– Приехали, Лёшенька.

Лёша глубоко вздохнул и открыл глаза.

– Мама... – позвал он, – где мама?

– Я теперь твоя мама, Лёшенька, – сказала мать и вытерла слезинку. – А это твой братик и сестричка, помнишь Яшу и Полю?

– Помню... А где Зайка?

– Тут твоя Зайка. Пригелась у меня за пазухой, не шебаршилась даже, – усмехнулся отец, расстёгивая тулуп. – Получай своё сокровище!

Пушистая белая кошка очутилась на полу, потянулась, фыркнула и принялась обнюхивать углы.

– Пришлось взять, без кошки и ехать не хотел. Ничего, ей тут работа найдётся, мышей нынче много, – улыбнулась мать. – Давайте ужинать и спать, утомились за день...

Ещё во сне Яшка почувствовал дразнящий запах сочной с творогом. Протёр сонные глаза, свесил лохматую голову с печки: на столе тоненько посвистывал самовар, а на большом блюде красовались румяные сочни. Ого, да сегодня у них с Полей и Лёшкой будет царский завтрак!

Смеясь и толкая друг дружку, они наскоро умылись у рукомойника – и скорее к столу!

– Как с иконы личико, Матерь Божья... – Мать протянула руку и пригладила Лёше светлые кудри.

Тот поднял от чашки глаза. Что-то трогательное и чистое было в его лице, умных светло-карих глазёнках, скорбно сложенных губах.

– Кушай, кушай, это я так, – спохватилась мать. – Сестрице Софьюшке спасибо, мучицу всю велела забрать. Ещё сказывала, три мешка ржи в сенях стояли, а я не нашла!

– Бабка Клава унесла, – сказал Лёша.

– Как унесла? А ты видел, Лёшенька?

– Нет, не видел, мне мама Соня сказала.

Мать с отцом переглянулись. Поинка открыла было рот, но Яшка пнул её ногой под столом, и сестрёнка смолчала.

– Когда она сказала? – осторожно спросила мать.

– Сейчас.

– Матерь Божья! Как же она могла сказать, Лёшенька? Со-

фьюшка теперь на небе.

– Мама сказала, что не оставит меня и что всегда будет рядом. И чтобы маму Веру я любил и слушался. И что рожь бабка Клава унесла ночью... Мама, можно Зайке молочка?

– Как рука поднялась у сироты кусок хлеба отнять? Тьфу! – сплюнул отец.

Мать вздохнула:

– Что теперича говорить? Не помрём... Яша, в школу опоздаешь – учитель заругает.

– Не заругает, он добрый! Не опоздаю! – отозвался Яшка, но всё же стал торопливо натягивать школьную рубашку.

Хлеб в ларе быстро заканчивался. За обедом хлебали мучную болтушку, сдобренную малой толикой постного масла, отец с матерью отрезали себе почти прозрачные ломти ржаного хлеба, оставляя куски потолще детям. Отец хмурился и двигал бровями – это означало, что мысли у него были невесёлые.

Однажды Лёша возился с Зайкой, неожиданно бросил игру, с кряхтением натянул валенки и снял с гвоздя шубейку.

Мать чистила у печи картошку, увидела и заволновалась:

– Лёшенька, ты куда?

– Надо-тка. Мама Соня велела.

– Господи! Полинка, дочка, скорее беги за ним, не пускай

одного... мал ещё!

Полинку два раза просить не надо, она мигом оделась и выскочила за порог.

– Лёшка, стой! Мамка не велела одному ходить! Да погоди, дай платок завязать!

– Мама Соня сказала, что надо торопиться, – серьёзно ответил Лёша.

– Да куда ты идёшь-то?

– На дорогу. Мама велела идти и ждать.

Они пошли вместе. Полинка вслух недоумевала: ну что им делать на дороге? Пусто там, редко какая лошадёнка проедет, только нищие с котомками ходят, мастеровые да солдаты с тощими вещевыми мешками. Но едва договорила, как послышался скрип полозьев, и на дороге показалась запряжённая в сани заиндевшая лошадь. Незнакомый возница скользнул по Полине и Лёше равнодушным взглядом и уткнул нос в воротник.

Вдруг какой-то пакет выпал из саней, полозья поддели его, и кулёк покатился в занесённую снегом канаву.

– Что-то упало, – сказала Поля и прыгнула туда, где темнела пробоина, провалилась в рыхлый снег по пояс. Голыми стылыми руками нащупала куль, с трудом вытащила его на дорогу.

– Это овсяная мука, – определила Полинка, лизнув ладонь, – да тяжёлый какой кулёк... фунтов пять, а может, и десять.

– Остановим того дяденьку?

– Эва! Он далеко уже, не видать. Пойдём домой, а то мамка волнуется!

Вечером они угощались сытным овсяным киселём, который мамка заварила кипятком из самовара. Кисель сдобрили коровьим маслом, посолили и ели ложками, а Полина десятый раз рассказывала, как кулёк с мукой с воза свалился. Мать ахала, поминала Царицу Небесную и сестрицу Софьюшку.

После сытного ужина у Лёши стали слипаться глаза, его уложили спать на кровати за тёсовой перегородкой. Яшка с Полей устроились на лежанке. Толкали друг друга, споря, кто занял больше места, потом затихли.

Вера перемыла посуду, заглянула в квашню и обмяла тесто; затеплила лампадку у икон, накрытых длинным вышитым полотенцем. И вдруг услышала шорох и голоса за перегородкой.

– Лёшенька, не спишь? Водицы принести?

Она заглянула в спальню и обомлела. На кровати сидела покойная сестра Софья в голубом подвенечном платье, в котором её схоронили. Красивая, будто светящаяся, она гладила Лёшеньку по голове, целовала и тётёшкала, как младенца. А кошка Зайка, недотрога такая, топталась рядом, тёрлась о ноги и урчала.

– Спасибо за Лёшеньку, сестрица Верочка, – проговорила Софья, – лучшей матери для него и не сыщешь. Сердце моё

спокойно.

Оцепенение спало, и страх у Веры пропал.

– Я же обещалась, Софьюшка.

– Отец Лёши скоро весточку пришлёт. Он любит сына, но лучше Лёшеньке с тобой жить. Костя ветреный: вернётся и сразу женится, другие детки народятся... Пускай Лёша с тобой живёт, только тогда я спокойна за него буду.

Софья поцеловала сына и пропала, как будто растаяла в воздухе.

Утром Вера проснулась поздно, когда корова стала реветь у себя в загороде.

Разбуженный Яшка мигом скатился с печки, торопливо натянул рубаху и штаны, схватил со стола кусок хлеба.

– Лоб перекрести!

– Но мамка, опаздываю же! – попятился к двери Яшка.

– Неслух растёт... – проворчала Вера и добавила, понизив голос: – Вот отцу-то скажу!

Прихлёбывая покрашенный ржаной коркой кипяток, она неожиданно вспомнила:

– Сестрицу Софьюшку во сне сёдня видела. Тётёшка-ла Лёшу, будто махонького, благодарила меня. Да, говорит, сердце моё спокойно теперь. Ну и слава тебе... Ещё сказала, что Костя объявится, мол, весточку пришлёт.

– Письмо? – поднял брови Егор. – Это хорошо...

Вера подняла глаза и в окно увидела, как через двор идёт почтальон.

– Никак почтарь к нам идёт, – удивилась она и поднялась навстречу: – Здравствуй, Васильич, садись, чайку с нами попей.

Засуетилась, обмахнула полотенцем табурет. Но почтальон отказался – недосуг! Посетовал на долгую зиму, покопался в рыжей сумке и достал пухлый конверт.

– Тебе письмо, Семёновна... Ну, не тебе, а сестре твоей покойной. У неё же никого нет, кроме тебя, вот я и подумал... Возьми, имеешь право. Ну, бывайте!

Вера взяла конверт, взгляделась в обратный адрес.

– От Кости, – прошептала она, – вот тебе и сон в руку...

– Вот так чудеса, больше года пропавшим был или поболел?

– Не знает, бедный, что Софьюшки нет, – всхлипнула Вера и ушла за перегородку читать письмо.

– Это хорошо, что Костя объявился... всё-таки родной отец, – сказал Егор, доставая кисет, – да, Лёшка? Помнишь батьку-то? Ну ничего, вспомнишь... Он хороший. Родная кровь, говорю... Эх, глупыш...

Прошла зима с её снежными заносами и трескучими мо-

розами. Наступила весна, самая горячая пора в деревне. Мать с отцом засеяли поле рожью, оставив совсем чуток под пшеничку – побаловаться белыми пирогами к празднику.

– Будем с хлебушком, – светлея лицом, говорила мать и проводила ладонью по тяжёлым усатым колоскам.

И как-то незаметно, тихо подкралась осень. Ещё вчера полетнему светило солнце, а сегодня, гляди-ка, первые заморозки грянули. Как хорошо было сидеть возле костра на берегу Волги, болтать обо всём на свете и печь в золе картошку!

Колька по прозвищу Мелкий бережно достал из-за пазухи узелок с яйцами.

– Стибрил? – догадался Яшка.

– Эге. Сейчас испечём, печёные яйца вкусные.

Яшкиного отца недавно забрали на войну. Мамка вздыхала: совсем плохи дела, если покалеченных забирать стали.

– Яшка, да плюнь! Твой папка перебьёт всех германцев и вернётся! – Ваня попробовал подбодрить мрачного приятеля.

– Я ничего... Что я, девчонка что ли? – отозвался Яшка. – Кажись, готова картошка, давайте есть.

Макали горячие картошины в тряпочку с солью и ели, обжигаясь и пачкая рты золой.

– Смотри, Лёшка бежит, нас ищет, наверно, – сказал Ванятка.

Яшка обернулся и увидел маленькую фигурку в курточке,

которую мамка перешла из старого батяниного пиджака.

– Спасу от него нет, – пробурчал Яшка. – Он мне сегодня подсобил: мамке рассказал, что я мыша в стол учительнице пения положили.

– Эва! А откуда он узнал?

– Да он всё знает... навязался на мою шею. – Яшка отвернулся и натянул картуз на уши.

Лёша плюхнулся рядом на песок, посопел, потрогал брата за плечо и сказал заискивающе:

– Яша, послушай... что скажу.

– Ну?

– Я нечаянно, честное слово!

– Ты нечаянно, а меня мамка ругала, – проворчал Яшка.

– Взаправду больше не буду, ни словечка не скажу! Лопни мои глаза, если вру!

– Ладно, – смягчился Яшка. – Хочешь картошку? Ешь, мы сытёхоньки.

Ванятка подбросил веток в костёр и сел поближе к огню.

– Давайте что-нибудь интересное рассказывать, – предложил он.

– Ох, давайте я! – встрепенулся Колька. – Мы с батей ходили в Окунёвку на ярмарку корзины продавать. Тележку нагрузили полнёхонькую. А за нами пёс Умник увязался. Я гоню его домой, а он не уходит, скулит. Тятя сказал: «Ладно, пусть с нами идёт, авось не потеряется». Это Умник-то потеряется? Да никогда! Он очень умный. Тятя его на выгон с

собой берёт стадо от волков охранять. Умник волка близко не подпустит – вот какой умный.

– Эге, умнее тебя, – подначил Яшка, но Колька пропустил мимо ушей.

– Катим тележку по дороге, до Окунёвки уже рукой подать, как вдруг Умник зарычал, шерсть поднялась дыбом. Мы как глянули вперёд, так и обмерли: на дороге волк стоит и прямо на нас смотрит.

– Какой волк? Всамделишный? – испуганно спросил Лёшенька.

– А то какой же! Огромный, серый, глаза жёлтые.

– Эх, ружьё бы! – прищёлкнул языком Яшка.

– Тебе бы всё ружьё, дальше слушай... Тятя за палку схватился, стал кричать: «Пошел вон, пошел вон!» А он с места не двигается, даже на землю лёг, а глаза грустные, человечьи. Умник успокоился, близёхонько подошёл и стал обнюхивать волка. А потом как начал лаять, как будто нас подзывать. Тятя меня толкнул за тележку, а сам пошел, хоть и испужался. Волк ползёт по земле, скулит, плачет, в ноги тятю уткнулся. У него руки и опустились. Сколько живу, говорит, а такого никогда не видывал, не обошлось без ведьмака, как пить дать. Снял с себя пояс и трясучими руками стал узлы завязывать, а сам бормочет: «Господи помилуй, Господи помилуй...» И как набросит пояс с узлами на волка!

Колька вскочил и, размахивая руками, стал показывать, как отец набросил пояс.

– Ну?! А дальше-то что было, не томи! – заёрзал на месте Яшка.

– А дальше... Шкура у него расплзалась на куски, а под нею человек оказался в солдатской гимнастёрке и сапогах. Очнулся, оглядел свои руки и заплакал. Так благодарил, часы свои серебряные тятё отдал. Важнецкие такие часы!

– А кто это был, Колька?

– Солдат на побывку домой шёл, заплутал и на ведьмака нарвался. Превратил его ведьмака в волколака... Как? Набросил волчью шкуру на спящего и заклинание сказал. Так человек волколаком стал. Вокруг своего села кружил, а подойти близко боялся – мужики бы прибили.

– Ух ты... ужаси какие, – выдохнул Ванятка.

– Умник распознал человека. Волчьего духу в нём не было.

– Не зря Умником называли, – одобрил Яшка. – Про ярмарку, Колька, расскажи. Что там, карусели были? А палатки с пряниками и кренделями?

– Да какие там карусели! – скривился Колька. – В магазине пустые полки, одним керосином торгуют.

– Вот так ярмарка! – присвистнул Яшка.

– А что ж ты хочешь? Война, всем плохо.

Помолчали, задумались каждый о своём. Лёша задремал, привалившись к братикову плечу. Вдруг Ванятка испуганно схватил Яшку за руку.

– Яша, что это?

Из кустов с треском лезло что-то белое и лохматое.

– Это Зайка, не бойтесь. Она нас ищет, – сказал Лёшенька, стряхивая с себя сон.

– Как же она нас нашла? Вот умная кошка! – восхитился Ваня.

– Очень умная, мыша поймает и нам несёт, вроде как угощает, – погладил Зайку Яша.

Колька засмеялся:

– А ты этим мышом учительницу угостил?

Мальчишки повалились на песок, хохоча и держась за животы. Эхо прокатилось над тихой Волгой и замерло вдалеке.

Свадьба

Утро выдалось морозным. Возле станционного магазина стоял худой солдат в старенькой потертой шинели, с тощей котомкой за спиной. Изучив вывеску, он решительно толкнул тяжёлую, обитую железом дверь. Та с трудом поддавалась, и солдат очутился в темноватом помещении.

До войны это был богатый магазин, где к престольным праздникам продавали шоколад и лимоны. Теперь на пыльных полках лежали календари, фляги керосина, а по стенам висели хомуты.

– Как-то пусто у вас, – озадаченно сказал солдат, оглядывая прилавок.

– Да, – развел руками хозяин, – хоть околевай.

– Гостинца сродственникам купить хотел... Три года сына не видел.

– Вона как! Три года, говоришь... Да погоди, найду для тебя кой-чего.

Хозяин открыл боковую дверь и зашуршал кулками.

– Привезли вчерась крупы и сахару чуток, мука картофельная есть...

– Давай всё, – обрадовался солдат.

Через несколько минут он шёл по шоссе, немного подволакивая ногу и сторонясь проезжающих саней. Вдруг позади фыркнула лошадь, послышалось: «Тпру, стой, милая!» – и

незнакомый хрипловатый голос сказал:

– Никак Сапожниковых зять?

Солдат обернулся и увидел рыжую кобылу и бородатого возницу в санях.

– Он самый.

– А я смотрю: лицо как будто знакомое, – обрадовался возница. – Садись, доведу по-соседски. Я Антип, сосед ихний. Запомню, как тебя нарекли?

– Константином. Спасибо... нога разболелась. – Солдат с облегчением снял котомку и сел в сани.

– Но, Жозефина, пошла, родимая!

– Жозефина! – усмехнулся солдат – Кто же её так назвал?

– А что? Хорошее имя, – обернулся Антип. – У нас и Наполеон есть, дочка хозяйская придумала... Ты на побывку али как?

– Насовсем. После ранения чуть богу душу не отдал.

– Это хорошо, что насовсем... Скорее бы войне конец, без мужика в деревне худо. Кого убило, кого покалечило. Баба как лошадь всё на себе везёт, сама в оглоблю впрягается. Лошадей почти с каждого двора увели. У Михаила-то, хозяина, хотели племенного жеребца забрать, уговорил взять кобылу какую ни на есть.

– Моих сродственников давно видели? – переменял тему Константин.

– Вчерась видал, мы же соседи. Мальчонка твой здоров, вымахал – не узнать.

– Я его махоньким совсем оставил... Вдруг не признает меня?

– Что ты! Признает, конечно, не сумлевайся!

Антип немного подумал, порылся в мешке и вынул красную жестяную банку.

– Ну, стало быть, тебе нужнее. Держи, сыну отдашь, вроде как от тебя гостинец.

Банка была большая, ярко-красная, с золотыми буквами на глянцевом боку.

– «Монпансье из фруктовых и ягодных соков... Абрикосов и сыновья», – прочёл Константин. – Спасибо, дядя Антип.

– На здоровье. Признает, куда денется-то? Родная кровь... Давай, Жозефинушка, давай, голубушка, чуток осталось!

Полинка выпросила у матери красные лоскутки и шила почти всамделишные сапоги для кошки, как в книге сказок, которую Яшка принёс из школы.

– Четыре сапога надо, – настаивал Лёша, – Зайка не сможет на двух ногах ходить.

– А на картинке два! – возражала Полина, указывая на хитрого кота в сапогах со шпорами. – Лоскутков все равно только на два сапожка хватит.

Лёша застыл, прислушиваясь к чему-то, потом сказал, будто выдохнул:

– Тятя едет...

– Он на Крещение придет, до Крещения эвон сколько! Мама, – повернулась Поля к матери, – Лёша говорит, что дядя Костя едет.

Мать посмотрела на отрывной календарь и сказала, отряхивая руки от муки:

– Нет, дочка, рано ещё братцу Константину. Он писал в письме, что в госпитале лежит, ногу лечит. С чего ты взял, баловник?

– Ему мама сказала, – встряла Полина.

– Я и сам знаю, он на лошади едет. Лошадь рыжая, с белым пятном на лбу. И дядя Антип с тятей... тот, с бородой который.

– Ну что ты, братец Константин на поезде должен... Царица Небесная, неужто и правда сегодня приедет? Поля, сходи-ка в курятник, собери яйца, коли есть – яишню сделаю. Совсем зимой не несутся, анафемы.

Мать поставила хлеба в печь, когда за окном стукнула калитка. Отворилась дверь, впустив морозное облако, и все увидели солдата в дверном проёме, будто в раме.

– Братец Константин... приехал...

Мамка в подоткнутой юбке, простоволосая, протянула навстречу руки. Чуть притупившаяся боль ударила с новой силой, подкатила комом к горлу, слёзы потекли прозрачными бусинками.

– Не уберегли мы Софьюшку, голубку нашу, корю себя за это... Как простудилась, так слегла и не встала больше...

Мальчонка сиротой остался...

– Что ты, сестрица Вера, не кори себя. Я должен ноги тебе целовать за то, что ты Лёшку не бросила.

Константин подошёл, прихрамывая, неловко обнял. И не выдержал, заплакал на материнном плече, вздрагивая и не утирая слез, не замечая трёх пар любопытных глаз, которые таращились на него из соседней комнатухи.

Лёшка оторвался от дверного косяка, подошёл и робко прильнул к отцовской ноге.

– Тебе маму жалко? – спросил он. – Не плачь, у неё больше ничего не болит.

– Лёшенька, ты знаешь, кто я?

– Знаю... Ты тятя.

– Ну вот и хорошо, Царица Небесная, – перекрестилась мать, улыбаясь сквозь слёзы, – признал...

Лёша получил в подарок трофейный нож с костяной ручкой и ту самую банку монпансье. Открыл жестяную крышку, и в избе сразу запахло рябиной, вишней, яблоками и ещё чем-то незнакомым, но очень приятным. Круглые разноцветные леденцы доверху заполняли банку и прижимали к стенке бумажный пакетик с яркой пасхальной открыткой. На картинке румяная девочка в жёлтом платье держала корзину куриных яиц, а сверху располагалась надпись: «Христос Воскресе!» Открытку Лёша подарил Полине.

Обедали крупяной похлёбкой и редкостной яишной на молоке. Неторопливо пили чай с конфетами монпансье, ка-

тая во рту кисло-сладкие камешки.

Лёша украдкой рассматривал отца, открыто смотреть было почему-то стыдно. Глаза у тяти оказались добрыми, жесткие короткие волосы торчали, как ежовая шубка, и Лёше всё время хотелось их потрогать – не колючие ли?

На другое утро Константин был невесел, думал о чём-то своём, несколько раз порезался бритвой, когда брился перед маленьким зеркалом.

– Что-то ты смурной, братец Константин. Али спалось плохо? – спросила за чаем Вера.

– Я совсем не спал.

– Надо тебе мяты заварить, мята завсегда сон нагоняет.

Константин промолчал.

– К нему мама приходила, – тихо сказал Лёша.

– Господи помилуй! Лёшенька, ты иди с Полиной поиграй, она книжку интересную покажет... Что же ты молчишь, братец Константин, что Софьюшка хотела?

– Испужался я сначала, как Софью увидел. Она просила Лёшку у тебя оставить, коли жениться захочу.

– Ты молодой, живое о живом думает, – отозвалась Вера.

– Ни о чём таком я не думаю, будем вдвоём жить. Потеплеет чуть – пойду дом в порядок приводить, пахать и сеять надо-тка. Чужой хлеб я есть не привык.

Вера пробовала возразить, что братец ни хлеба испечь, ни щей сварить не сможет. Да разве мужицкое это дело портки стирать и полы мыть?

– Ты научишь, сестрица Вера. С голоду не помрём. Так ведь, Лёшка? – подмигнул Константин.

– Так.

...Как только сошёл снег, Константин засобирався домой. Он загодя съездил с соседом в Андреевку, с бьющимся сердцем открыл дверь дома, в котором не был три года. Закрытые ставни не пропускали свет, в горнице было холодно и сыро.

Константин распахнул ставни – в окна ворвался солнечный свет, заиграл бликами на свадебной фотографии. На ней юная Софья в подвенечном платье стояла под руку с молодым безусым Константином.

Он снял фотографию со стены, отер пыль рукавом и поцеловал холодное стекло:

– Будем дальше жить, Софья... Я и Лёшка.

Константин принёс дрова из поленицы, затопил печь. Дрова затрещали, оранжевые языки пламени жадно набросились на поленья, будто голодные. Он нагрел воды и целый день мыл, чистил, скрёб... Застелил чистым бельём кровати, разостлал домотканые дорожки по полу.

– Ну вот, теперь всё как при Софье было.

Вера тревожно следила, как Константин запихивает свои и Лёшкины вещи в мешок, потом не выдержала:

– Может поживёшь у нас ещё, братец Константин?

– Пахать надо, земля ждать не будет, сестрица Вера.

– Оставь хотя бы Лёшеньку...

У Константина опустились руки.

– Вера, да ведь говорили уже. Я решил: Лёшка будет жить со мной.

– А коли женишься? Ты молодой, не будешь век один куковать.

– И не думаю об этом. А коли моей жене Лёшка придётся не по нраву, то мне такая не нужна.

Вера всплакнула, провожая Лёшеньку, и взяла слово с Константина немедленно известить её, если Лёша или сам братец заболеют, не дай бог, если помощь понадобится. Константин обещал.

Всё складывалось хорошо. Константин вспахал и засеял рожью свои полторы души земли – спасибо соседу, что выручил лошадей. Научился варить щи, кашу и другую нехитрую еду. Испечь хлеб никак не удавался ему, это оказалось целой премудростью. С квашнёй возиться – не мужицкое дело, права оказалась Вера.

За небольшую плату хлеб пекла соседка Матрёна, а дочка её, Феня, приносила утром пышный румяный каравай, завернутый в чистое полотенце.

Стала замечать Матрёна, что Феня всё самое лучшее надевает, когда к Константину идёт. Полусапожки жёлтые, кофточку новую, один раз на Пасху надёванную. У зеркала крутится, ленточки в косу вплетает.

«Невестится девка, – подумала Матрёна, – перед вдовцом колченогим прихорашивается. Ну уж нет, не для него ягодку растила!»

Она невольно нахмурилась. Бабка Клава, у которой не язык, а жало змеиное, шепнула, что Феня уходит в лес с Константином. Врёт, как пить дать, но следить надо.

– Феня, курей покорми и яйца собери, хлеб я сама отнесу.

– Маменька, да я уже оделась...

– Сказано – иди к курям!

Феня насупилась, нехотя сняла праздничные вещи и натянула будничные, вышла из избы.

...Ой, неспроста тревожилась Матрёна. Дочка-то выросла на загляденье: личиком пригожая, рослая, статная, коса золотистая в руку толщиной. Как было Константину не залюбоваться такой красавицей? Каждый день приходила Феня, хлеб приносила, во всё лучшее одевалась будто на праздник какой собралась. Краснела и ещё пригожее делалась, когда с ней ласково разговаривал Константин.

Он предложил как-то:

– Может, чайку с нами, Аграфена Ивановна?

Феня согласилась на чай, присела на краешек лавки. Она застенчиво пила и не знала, куда девать глаза.

– Грибов нынче много... – сказал Константин. – Люблю грибки! Завтра надо будет наведаться в лесок. Хотите со мной по грибы, Аграфена Ивановна?

Фенечка вспыхнула как маков цвет. Грибов ещё нету, ес-

ли только сморчки какие попадались. Ну а что? Сморчки – вкусные грибы, ежели их в сметане...

Феня кивнула, бросила на Константина сияющий взгляд. Сердечко у неё так и трепетало.

На другой день Фенечка сказала матери, что пойдёт с подружками погулять, а сама отправилась в лес с Константином. Вернулась с припухшими губами, словно опьяневшая.

После сенокоса Вера решила проведать зятя и Лёшеньку. Сговорилась с Антипом, чтобы подбросил её до развилки, тот не отказал.

– И я с тобой! – вскинулась Поля.

– Я рано поеду, ты ведь засоня, спать ещё будешь.

– Ты, мамка, только разбуди, я встану.

Наскоро пили чай, разговаривали шёпотом, чтобы не тревожить Яшку. Поля, наряженная в розовое ситцевое платье, чинно сидела на скамейке, боялась испачкать и измять свой наряд. Осторожно трогала мочки ушей, в которых красовались мамкины бирюзовые серёжки.

– Жозефина! – обрадовалась Полинка, увидев в окно рыжую лошадь у ворот. – Мама, идём скорей, дядя Антип приехал.

И первая выскочила на крыльцо, побежала угощать свою любимицу припрятанным кусочком сахара. Вера подхватила

корзину с ржаными пирожками и кринкой сметаны и вышла, тихо притворив дверь.

...От развилки до деревни с версту ходу. Полинка собирала цветы по обочинам, ловила струящихся возле самого лица бабочек.

– Мам, а ты знаешь, куда идти? – забеспокоилась она.

– Конечно, я же здесь, в Андреевке, выросла. Ребятами мы куда только не забредали... Вот уже и околица. То-то братец Константин обрадуется нам!

На чистом сосновом столе кипел самовар, лежала горкой варёная картошка, ломти хлеба и перья зелёного лука.

– Тятя, ещё две чашки поставь. К нам идут мама Вера и Поля, – сказал Лёша.

– С чего ты взял?

– Чувствую. Вот здесь чувствую. – Лёшка приложил ладонь к груди.

Константин нахмурился. Где-то в дальних уголках души он ревновал сына к свояченице, но даже самому себе не хотел признаваться в этом.

– Сестрица Вера тебе тётя. А мама – Софья. Или ты уже забыл мамку?

– Мне мама Соня сказала, что у меня всегда будут две мамы. И маму я не забыл, это ты её редко вспоминаешь!

Лёша отвернулся и стал колупать картошку.

Ошарашенный Константин уже набрал в грудь побольше воздуха, чтобы отчитать сына как следует, но передумал: на крыльце послышались голоса и топот ног.

– Это мама Вера!

Вера вошла в дом и с порога перекрестилась на икону.

– Здравствуй, братец Константин! Здравствуй, Лёшенька!

Через мгновение Лёша висел у неё на шее, Вера обнимала его, смеялась и плакала.

– Я знал, что ты придёшь, ещё вчера знал!

– Таки знал? Ну и хорошо! Как же ты вырос, тятку догоняешь! Как вы, живы-здоровы? Ну и слава богу!

Пили чай с пирожками, рассказывали новости. Вера получила от мужа Егора долгожданное письмо, Константин скоро будет работать кузнецом, это дело для него привычное. Нога меньше болит, только к дождю ноет.

Лёша доедал пятый пирожок, макая его в сметану, пил чай, экономно откусывая от кусочка сахара. У Веры сжалось сердце: небось голодный ходит.

Полинка с Лёшей насытились и побежали во двор кормить кур и смотреть Зайку в чулане, которая намеревалась принести пятерых котят: трёх белых и двух пятнистых.

Котята спали возле матери-кошки, она почти не отходила от них.

– Я ей сюда приношу молоко, – сказал Лёша.

– Какие маленькие, хорошенькие! – умилилась Полин-

ка. – Как ты их назвал?

– Зайчатами. Раз кошка – Зайка, то котята – Зайчата!

В окне мелькнул пёстрый сарафан, зашуршало и затопало в сенях.

– Феня хлеб несёт, – ответил Константин на удивлённый взгляд свояченицы.

Феня вошла без стука, прижимая к груди каравай в полотенце. Смутилась, увидев Веру, и хотела сразу уйти, но её приветливо пригласили к столу.

Феня робко присела на лавку, приняла у Константина чашку. Пила пустой чай, делая вид, что очень заинтересована вышивкой на занавесках.

– Фенечка, сахар возьми и пирожок... удались мне они нынче.

Стесняясь, Феня надкусила пирожок. Вера украдкой наблюдала за ней. Хороша девка, что говорить. Золотистая коса через плечо, веснушки на милом лице, широкий сарафан не скрывал пополневшей фигуры.

«Тяжёлая», – определила Вера.

– Что же ты, Феня, Яшку моего не дождалась? Я-то думала, что невеста наша растёт, а ты вперёд замуж выскочила. Когда же успела?

– Что вы, тётя Вера. Мама говорит, что рано мне, –

поперхнулась и залилась краской Феня. Она торопливо попрощалась и попятилась к выходу, Вера видела, как Феня мучительно втягивает живот.

Константин сидел неестественно прямо, будто аршин проглотил, потом выговорил:

- С чего ты взяла, что Феня замуж вышла, сестрица Вера?
- Да ни с чего, просто подумалось.
- Да она завсегда в теле была, – облегчённо выдохнул Константин.

Вера промолчала и подумала: «Что-то вертишься ты как уж на сковородке, братец Константин. Неспроста это, ой неспроста...»

По молодости Феня не сразу поняла, что затяжелела, а потом испугалась страшно и не осмелилась признаться Константину. Как ни таилась она, нося широкие сарафаны и подвязывая живот полотенцем, Матрёна беременность всё же заметила.

Феня сидела на лавке с каким-то рукоделием и вдруг замерла, прислушиваясь к толчкам внутри себя. На лице засветилась тихая улыбка, Феня не замечала, что мать сверлит её взглядом.

Матрёна подскочила к дочери и рывком задрала подол, та и ахнуть не успела.

– Сучка... – прошипела Матрёна, увидев круглый живот. – Дофорсилась, догулялась, вертихвостка окаянная! Кто?! Отвечай, кто?! Этот колченогий?!

Феня плакала и закрывалась от пощёчин руками. В сердцах оттащила Матрёна за косу беспутную дочь, сдёрнула с гвоздя кнут.

– Маменька, маменька, ты куда?

– Знаю куда!

Шипя и булькая, как кипящий самовар, Матрёна ворвалась в дом к Константину. Тот уставился на гостью недоумением, переводя взгляд с кнута на её красную физиономию.

– За коровой собралась, тётка Матрёна?

– Я тебе покажу корову, ирод ты жеребчий! Обрюхатил девку, ей шешнадцатый годок всего! Баб тебе мало, кобелю колченогому?! Живот на нос лезет у Феньки!

Константин опешил:

– Да, может, почудилось тебе, тётя Матрёна? Феня всегда справная была, в теле.

– Почудилось?! – взвилась Матрёна. – Вот я тебя кнутом отделаю, как мне почудилось! Ой, горе мне, позор на мою головушку! Что Ивану-то скажу, как с войны придёт?

– Повенчаемся мы с Феней, если надо, – после молчания хмуро обронил Константин. – Коли такое дело, то я не отказываюсь, ежели она согласна.

– Куды ж ей деваться теперь с животом? – сразу остывая и успокаиваясь, проворчала Матрёна. – Приходи, поговорим.

Константин с Феней обвенчались в маленькой сельской церкви. После венчания было застолье с угощением и с большим трудом добытой водкой. Гости пили, закусывали яичницей и жареной рыбой, мясным и капустным пирогом.

У Константина на лице читалась растерянность, как будто он только проснулся и не понимал, что происходит. Феня, румяная и счастливая, в белом платье, украшенном по подолу мелкими цветочками, подкладывала мужу на тарелку то кусок рыбы, то картофелину, смотрела влюблёнными глазами.

Гости то и дело поглядывали на молчаливого Лёшу, ковыряющего вилкой яичницу, а один подвыпивший Матрёнин родственник всё приставал:

— Что, Лёшка, новая мамка у тебя теперь, да? Чего молчишь? Али ты немтырь?

Лёша промолчал, перевёл взгляд на стену, где раньше висела свадебная фотография. Теперь её не было, как видно, Матрёна подсутилась и сняла. Лёшка тяжело вздохнул, нахлобучил картуз и вышел из дома.

На улице текла своя жизнь. Здесь можно было на минутку забыть, что тятя женился, не смотреть на этих любопытных гостей. Мальчишки за канавой играли в куру, счастливые; бабы с вёдрами толпились у колодца, набирали воду и

сплетничали. Мимо проехала рыжая лошадь, запряжённая в повозку. Возница приветливо кивнул и махнул Лёшке рукой. Да это же Антип!

– Дядя Антип!

– Лёша! Иди сюда, на-ка гостинчика, лисичка передала! – улыбнулся в бороду Антип и протянул кулёчек орехов. По-косился на открытые окна, из которых неслась песня про молодого влюблённого ямщика, удивился: – Что ли праздник какой отмечают?

– Тятя женился... гуляют.

– Ну-у? Хм... что ж, бывает. Зайти надо, поздравить молодых. Подержи лошадь, Лёшка.

Тот взял Жозефину под уздцы.

– Хлебца хочешь? – Лёша вытащил из кармана краюшку, и лошадь приняла хлеб мягкими губами с ладони.

Антип вернулся, вытирая рукавом рот, видно, Матрёна за здоровье новобрачных поднесла рюмку водки.

– Ну что, Лёшка, соскучился по Яшке и Полинке? А то поехали со мной, погостишь немного. Вера Семёновна будет рада, она завсегда приветы тебе передаёт.

– А можно?

– Тятка твой разрешил... Ну как, едешь?

Лёша не стал возвращаться в дом, мигом забрался в повозку: вдруг дядька Антип передумает?

– Но-о, Жозефинушка, пошла, родимая!

Лошадь послушно тронулась.

...Они приехали в самый разгар уборки: Яшка гонял голиком грязную воду, Вера в подоткнутой юбке и опорках мыла полы.

Обернулась на стук, прищурилась:

– Господи, Лёшенька! С братцем Константином что-то стряслось?

– Ну что ты, Семёновна, почему сразу стряслось? Соскучился мальчонка, погостить приехал, – успокоил Антип, входя в дом и крестясь на образа.

– Ну слава тебе... А мы-то как соскучились!

Вера вытерла руки фартуком и поцеловала Лёшеньку.

– Яков, посмотри не отвязалась ли кобыла, а Лексей тебе подсобит. Мне с матерью поговорить надо, – подмигнул коных.

– Проходите, Антип Николаич, – спохватилась Вера, – чаю попьём, самоварчик ещё не остыл.

Она засуегилась возле пузатого самовара в медалях, а Антип тем временем рассказал новости.

– Женился, значит, а мне молчок, – с горечью заключила Вера. – Я видела Феню, догадалась, что тяжёлая она.

– Ты его не осуждай, Вера Семёновна.

– Господь с вами, я не осуждаю. Живое тянется к живому, не век ему одному куковать. А с Лёшей-то как теперь быть?

– Поговорите с ним, решите... Феня – девка добрая, обижать мальчонку не станет. А Матрёну ты хорошо знаешь? – спросил Антип и отхлебнул из чашки.

– Матрёшку-то? Конечно. Девчонками бегали, играли вместе. Как детки родились, так уговор у нас шутейный был, чтобы поженить моего Яшку и её Феню.

– Не дождалась она твоего Якова, долго раздумывал, – усмехнулся Антип. – Ну, мне пора. Спасибо за чай.

– Да что вы, Антип Николаич, вам за Лёшеньку спасибо, душа не на месте, когда он далеко.

Зайка

Не о такой доле мечтала для единственной своей дочери Матрёна. Она давно лелеяла мечту отправить Феню в Питер на попечение своего дядьки, хоть и старого, но крепкого мужика, тот обещал пристроить Феню ученицей к портнихе. Выучилась бы, стала портнихой, а при такой внешности и при хорошей одежке непременно нашла бы мужа хорошего и богатого. Как барыня жила бы, кофий с сахаром пила.

Всё прахом пошло. Понесла от вдовца-калеки, а вдовец ещё и с хвостом. И что хорошего в этом мальчишке люди находят? Обычный босяк, а бабы млеют: Лёшенька да Лёшенька... Тьфу! Но хоть вой, хоть кричи, а позор-то прикрыть надо, пузо на нос лезет у Феньки. Ох...

Матрёна перебирала сундук, перетряхивала костюмы и юбки, пересыпанные нафталином. Простенькое лицо её с носом-пуговкой и маленькими бесцветными глазками было красно и сердито. Как зло посмотрел на Матрёну зять, когда она только намекнула, что Лёшку надо насовсем у Верки оставить. Как изменился в лице, когда не увидел свадебной фотографии на стене!

– Вы, мамаша, не забывайте, что это дом Софьи и Лексея. И здесь вы нитку с места на место переложить не смеее. Иначе... – указал Константин на икону, – вот бог, а вот – порог.

Матрёна от изумления онемела. Вот так зять, вот так тихоня! Как не похож был тот прежний Константин, которому она кнутом грозила, на теперешнего, с колючими глазами. От этого взгляда Матрёне холодно стало. А Феня заглянула к матери вечером и только добавила масла в огонь. Виновато опустив глаза и теребя косу, сказала, чтобы Матрёна пока не приходила к ним, в чужой монастырь, мол, не ходят со своим уставом.

– Кобель колченогий, ирод голоштаный! Он в ногах валяться у меня должен! Если б не он, жила бы ты барыней, чай да кофий с шоколадом пила, в шелку-бархате ходила!

– Ах, маменька, перестань. Сроду бы я не поехала в энтот Питер.

– Дура, как есть дура! Нашла бы жениха богатого, не то что этот беспартошный!

Феня поморщилась. Про богатых питерских женихов мать твердила давно, как будто поджидали эти женихи Феню на каждом углу. Сейчас-то зачем о них говорить, если Костя – законный муж, когда его ребёнок в животе барахтается.

Феня охнула, присела на лавку, держась за живот.

– Что? – встревожилась Матрёна. – Болит? Дай посмотрю... Живот-то какой большой... парнишка будет, к Рождеству принесёшь.

К дочери она ходить не перестала, да и странно это: живут по соседству, а ей и за солью не зайди! Где ж это видано? И дочке помочь по хозяйству надо, с животом-то тяжело...

Матрёна выкинула из головы слова зятя, но шарила по дому и наводила свои порядки, когда Константина не было, только свадебную фотографию трогать не смела.

Мотря сновала по чулану, заглянула в ларь с мукой, в бочонки с соленьями, в мешки с зерном. На сундуке лежала кошка с котятами, не спускала с Матрёны мерцающих глаз. Четверо котят спали, уткнувшись носиками в материнское брюшко. Матрёна приблизилась к сундуку, губу оттопырила.

– Эк наплодила! Куды их теперь девать прикажешь? Фенька жалостливая, потопить не смогёт. Надо-тка в мешок – и потопить, пока никого нет... А пятый где? Пятеро же было...

Зайка настороженно следила за Матрёной, чуя опасность, и когда та попыталась взять белого котёнка, кошка выгнулась дугой, зашипела и вцепилась когтями и зубами в чужие руки, неприятно пахнувшие солёным. Матрёна вскрикнула.

Через несколько минут она торопливо шла с мешком по тропинке, ведущей к Волге. Руки в глубоких царапинах саднили и кровоточили.

– Экая тварь, руки-то как уделала! – плакала и причитала Мотря.

Очутившись на берегу, она сунула камень в мешок, крепко завязала верёвкой, размахнулась и швырнула его в реку. Тяжелый мешок сразу пошёл ко дну, на поверхности появились пузыри и вскоре пропали. Матрёна постояла недолго, помыла окровавленные руки в речной воде, вытерла фартуком и повернула к дому.

...Феня подоила козу, процедила молоко и отлила немного в миску для кошки.

– Кис-кис, Зайка, иди сюда!

Кошка не отзывалась. Она не спрыгнула со своего места, не заурчала ласково, не стала бодать головой Фенины ноги. Зайка лапами подмяла под себя единственного котёнка с пятнышком между ушей, мордочка её была мокрой от слёз. Феня охнула, опустилась на пол, поражённая страшной догадкой.

– Господи, что же будет теперь?

Матрёна сердито гремела плошками в тазу.

– Да чё я такого сделала? Завсегда котят топили, куды же их девать? Я же тебе помочь хотела! Ворвалась, шипишь на мать, словно змея, окстись!

Феня нервно заплетала и расплетала косу.

– Я не просила! Козлиха хотела котёнка, тётка Агафья уже выбрала, и Кривоухов просил. Ты пошто у меня не узнала? Лёшенька эту кошку любит, котят Зайчатами назвал, он же меня ненавидеть будет теперь!

– Много чести перед сопляком танцы вытанцовывать! – в сердцах швырнула полотенце Матрёна. – Кланяться ещё будешь ему!

– А ежели меня Костя выгонит? – Феня оставила в покое

косу. – Что тогда?

– Из-за котят, что ли? Дура ты, Фенька!

– Я у тебя, маменька, завсегда в дурах хожу.

Феня с трудом поднялась, придерживая живот, и направилась к двери.

У Сапожниковых садились ужинать. На столе исходила сытным паром гороховая каша, мать нарезала большими ломтями ржаной хлеб. Яшка заваривал в большой миске кисель, выпросив у матери крахмалу. Раздавил в миске горсть вишни, пустил туда струйку крутого кипятка из самовара. Кисель загустел, из мутного стал прозрачным и ярко-красным.

Яшка попробовал и скривился:

– Кислятина! Мам, а сахарцу дашь?

– Останний кончился, – ответила мать, – в лавке один керосин продают.

– Мы и без сахара съедим, нам и так вкусно, – заверила Поинка. Она расставила на столе тарелки, разлила по чашкам кисель.

Перекрестившись на икону, сели за стол. Застучали ложки. Гороховая каша быстро убывала, хлеб как по волшебству исчез со стола, даже кислый кисель стал как будто слаще.

Лёша вдруг перестал есть и застыл, к чему-то прислуши-

ваясь. Глаза его широко раскрылись, ужас и отчаянье исказили личико.

– Мама! Мама!

– Что случилось? Царица Небесная! – испугалась мать, поспешно подходя и крестя Лёшу.

Тот вцепился в её платье и кричал:

– Мама, она утопила Зайчат! Тётка Матрёна убила котят!

– Нет-нет, что ты, Лёшенька... Она не могла, что это тебе почудилось?

– Я слышу, как они пищат в мешке, я вижу, как они умирают, как плачет Зайка... – Лёша зажал руками уши. – Я не могу! Я больше никогда туда не вернусь, заberi меня насовсем, мама Вера!

...Добрый мужик на попутке согласился подвезти их до развилки. Обрадованный возможностью почесать языком, он всю дорогу трещал сорокой. Попутчики оказались аховыми собеседниками: мать отвечала односложно и невпопад, а Лёша отмалчивался.

– Сын-то у тебя балагур – прямо не заткнуть, – пошутил возница.

– Да уж... – не сразу отозвалась мать.

У развилки они сошли, не забыв свою плетёную корзину с крышкой, и побрели знакомой дорогой.

Весёлый растрёпанный Константин без рубахи колол дрова, простоволосая Феня в синем сарафане складывала их в поленицу под навес.

– Много не бери, не надрывайся, – глянул на неё Константин.

Феня засветилась:

– Какой ты заботливый, бережёшь меня. Я по два полешка всего, Костенька.

Они были так увлечены, что не замечали никого вокруг, матери пришлось громко поздороваться.

– Бог в помощь, братец Константин!

Константин отбросил топор, расцеловался со свояченицей. Лёшка уклонился от отцовских объятий и побежал в чулан.

На сундуке Зайка вылизывала единственного спасшегося котёнка. Лёша вытер слёзы, расстелил на дне корзины чистую тряпку, переложил в неё кошку и Зайчонка.

– Больше вас никто не обидит.

Прикрыл крышку плетухи и пошёл в дом собирать свои вещи. Лёшка слышал, как во дворе что-то негромко говорила мать, как всхлипнула Феня. Как взревел Константин: «Убью курву!»

Лёша обернулся:

– Мама, тятя сказал, что убьёт её...

За столом сидела Софья в голубом подвенечном платье.

– Нет, сынок, не бойся. Не убьёт, – прошелестело в ответ.

Лёша подошёл к стене и снял фотографию, на которой улыбались счастливые отец и мама, сунул в мешок. С трудом потащил вещи к выходу и сказал:

– Ну вот, мама Соня, я готов.

Мать с Лёшей не вернулись к вечеру. Яшка встретил из стада корову, попробовал было подоить, но Зорька – корова с норовом, не признавала ничьих рук, кроме материных, могла и лягнуть, аж искры сыпались из глаз. И когда Зорька стала коситься и беспокойно переступать ногами, Яшка испугался и отошёл.

Они с Полей поужинали щами с капустой, напились чаю с хлебом. Яшка засветил лампу и устроился за столом с книгой, выпрошенной закадычным приятелем Ванькой у дочки школьного учителя.

Поля заскучала.

– Яша, читай и мне тоже, – попросила она.

– Ещё чего! Я люблю молча читать.

– Пожалуйста... Мне скучно и боязно так сидеть. Вдруг мама не придёт?

– Вот дурища. Как же не придёт, придёт обязательно!

Лёшка с ней, она не одна, – успокоил Яшка. – Ладно, слушай... Интересная книжка, «Таинственный остров» называется...

Яшка читал, Поля слушала, подперев щеку ладонью, и изредка задавала вопросы.

– А что такое воздушный шар? А балласт? Имена-то какие чудные, разве такие бывают?

– Полистай книжку, тут картинки есть. Я посмотрю, не идёт ли мамка.

Поля забралась с ногами на лавку и зашелестела страницами, а Яшка вышел в сени. Он довольно долго стоял за калиткой, пока не заметил две белеющие в темноте фигуры – большую и маленькую.

Яшка с хмурым видом, не показывая облегчения и радости, забрал у Лёши корзину.

– Мамка, что так долго?

– Да почти всю дорогу пешком шли, умаялись. Вы-то как, поели? А корову загнали?

– Загнали. Я подоить хотел, а она как зачнёт ногами топать, я и бросил.

– Она такая у меня, с характером, – устало улыбнулась мать. – Ставь самовар, Яша, сейчас будем чай пить.

В избе Лёша открыл крышку корзины. Зайка смотрела настороженно, но потом успокоилась, выпрыгнула из плетюхи, с наслаждением потянулась, аж дрожь пошла по её телу, и принялась лакать молоко из блюдца, подставленного Полин-

кой.

– Ой, котёнок, – обрадовалась Поля, заглядывая в корзину. – Мам, он один?

– Да, один остался. Не трогай его, дочка, пусть там лежит. Садись к столу... Смотрите-ка, Феня вам что передала, – вспомнила вдруг мать, – и где только раздобыла такое богатство?

Она достала из узелка бумажный пакетик, развернула серую бумагу, в которую заворачивали товары в лавках, и положила на стол три огненно-красных петушка на длинных лучинках. Яшка спрятал леденец на потом для Поли, а Лёша не притронулся к угощению.

– Бери, Лёшенька, это не Матрёна, это Фенечка дала, не сумлевайся, – сказала мать. – Яша, я к тётке Анисье схожу. Вы меня не ждите, ложитесь спать...

Она набросила шаль и направилась к двери.

Домик Анисьи стоял первым на улице, в окнах за белыми вышитыми занавесками горел свет – хозяева не спали. Вера бесшумно проскользнула в калитку. Дворовой пёс Шарик выскочил из конуры, звеня цепью, принялся было брехать, но узнал гостью и завилял хвостом.

Вера осторожно постучала в окошко, потом в дверь.

– Веруша? Что стряслось? – испугалась Анисья.

– Нет, ничего не случилось, я так... посоветоваться с тобой надо. Твои-то спят уже?

– Спят, умаялись. Ну говори... с чем советоваться пришла? – Анисья бросила быстрый взгляд на расстроенное лицо подруги, пододвинула табурет.

Вера начала тихо рассказывать, вздыхая и вытирая глаза уголком платка.

– Матерь Божья! Убил! Зарубил топором, поэтому на тебе лица нет! – ахнула Анисья.

– Нет-нет! Боже упаси! Матрёна в сарае закрылась, там орала дурниной. Константин в сердцах стол в избе изрубил... Мы уже домой идти хотели, да Феня уговорила остаться. Жалко мне её.

Вера вспомнила, как Феня неловко совала пакетик с леденцами: «Возьмите, тётяшка Вера, это для ваших деток и Лёшеньки. Пусть не сердчает на меня».

– А может, Матрёна нарочно утопила котят, чтобы Лёша обиделся и остался у тебя? – догадалась Анисья.

– Да кто её знает? Для Лёшеньки эта кошка – драгоценность великая. Софьюшка, Царство Небесное, её котёночком махоньким взяла.

– Дитё он ещё. Успокоится, дай срок.

– Дай-то бог, Аниса. Вот рассказала тебе, и на душе легче стало.

Вера посмотрела на ходики, спохватилась, торопливо попрощалась и ушла.

Анисье было жарко, она ходила по избе, пила воду, заглянула в квашню, обмяла тесто. Рядом вертелся полосатый кот, бодал головой ноги, щекотал усами.

– Мам, а хорошо, что у нас кот, а не кошка, – раздался голос, и с печки свесилась лохматая голова сына Ваньки.

– Ваня! – ахнула Анисья. – Ты что, не спал?

– А что? Хоть спал, хоть не спал, мне Яшка всё равно расскажет!

– Горе моё! Не болтай о том, что слышал.

Ванька повозился, укладываясь поудобнее, и вскоре зашуршал под убаюкивающее пение сверчка.

Отсидевшись в сарае, Матрёна только с наступлением темноты осмелилась выйти наружу. Часто оглядываясь и осеня себя крестным знамением, она пробралась в избу, заперлась на все засовы и перевела дух.

Изрубленные Константином останки стола были разбросаны по полу.

– Зятюшка дорогой постарался, – всплеснула руками Матрёна, – чтоб ему, ироду, на том свете дрова рубить! А это что за мешок? Оська щук наловил, что ли, как я наказывала?

Затянутый верёвкой мокрый мешок лежал на лавке, источая слабый запах реки, на пол натекала лужа. Матрёна обрезала верёвку кухонным ножом, запустила в мешок руку, но сра-

зу же с воплем отдёрула, потому что нащупала не гладких чешуйчатых щук, а комочки мокрой шерсти. Мешок ожил, зашевелился, из него выпал камень, громко стукнув о пол, а потом на дрожащих крошечных лапках один за другим на лавку выползли мокрые котята.

– Мать Божья, заступница, не оставь меня, грешницу!
Ы-ы-ы-ы-ы... – завывала Матрёна.

Она метнулась к двери, трясущимися руками попыталась совладать с запорами и услышала позади тихий смех. Замки не открывались, будто намертво приклеенные. Матрёна обернулась, и волосы зашевелились у неё под платком. У окна стояла Софья и смотрела строго и насмешливо.

Эти руки Матрёна видела покойно сложенными на груди. В это голубое подвенечное платье обрядили Софью в последний раз. Матрёна всхрипнула и кулем свалилась на пол.

...На другое утро Полинка выскочила к колодцу за водой, но быстро вернулась, бережно держа в переднике четырёх котят.

– Мама, смотри, они под дверью пищали, а Зайка их вылизывала. Кто-то подбросил. Давай оставим себе? Мы с Лёшей их потом раздадим, честное слово! Давай, а? Смотри, как Зайка радуется. Так можно? Можно? Спасибочко, мама!

Близнецы

После Покрова, когда выпал первый лёгкий снег, у Фени раньше срока начались роды. Испуганный Константин послал за бабкой-повитухой, и к ночи появились на свет девоч-

ки-двойняшки.

Маленькие, с красной кожей, тонкими ручками и ножками, они не кричали, как другие младенцы, а только слабо пищали.

– Окрестить надо-тка, – посоветовала повитуха, туго пеленая новорождённых, – чисто лягушата, гляди-ка. Кабы не померли...

Измученная тяжёлыми родами Феня громко всхлипнула, а Константин сердито оборвал бабку:

– Говори, да не заговаривайся!

– Божья воля на всё, хоть говори, хоть не говори, – начала оправдываться повитуха.

Новорождённые не померли, но были такими крохотными и слабенькими, что у Фени всякий раз ёкало сердце, когда она подходила к зыбкам, подвешенным к матице. Одна из близняшек временами начинала задыхаться, чем пугала Феню до смерти.

Приходила Матрёна, смотрела на внучек с брезгливой жалостью, но молчала, не говорила того, что вертелось на кончике языка: вдруг Софья за Константина обидится и снова придёт?

Феня терпеливо, с любовью выхаживала дочек: пеленала в старые нагретые платя, чтобы дать свою силу, купала в отваре трав. Она похудела и осунулась, а от усталости иногда засыпала за столом с куском хлеба во рту. Константин теперь работал в кузне и появлялся дома затемно. Феня раз-

рывалась между дочками и хозяйством и сходила с ума от отчаяния.

Вера сшила Полинке платье из своей шерстяной юбки – дочка собиралась в первый класс. Подруга Варя подарила ей чудесный всамделишный ранец, не беда, что немного потёртый. Лёшка как увидел, так потребовал, чтобы его тоже записали в школу. Он даже разревелся от досады, когда учительница велела подождать годок-другой, узнав, сколько Лёшке лет.

Проводив старших на занятия и переделав работу по дому, Вера усаживалась за кросны ткать полотно для продажи. Лёшка заворожённо следил за мелькающими руками, за тем, как из ниток получается гладкая красивая ткань.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.